

Шандор Лукачи

ИСТОРИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВЕНГЕРСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ (1810—1849)

перевод с венгерского *Нины Ильичны Непомнящей*
Французский ежегодник 1968
М.: Наука. 1970. С.330-344

Веб=публикация: **Vive Liberta**, 2013

Поскольку появление первых венгерских газет совпало с Французской революцией, венгры смогли получать более широкую информацию о важнейших ее событиях. Подчиненные строжайшей цензуре и издававшиеся людьми, которые, как правило, придерживались весьма умеренных взглядов, газеты эти в большинстве истолковывали все происходящее во Франции, разумеется, во враждебном духе. Несмотря на это или, вернее, как раз вследствие этого, они часто для устрашения приводили обширные выдержки из речей Робеспьера и Сен-Жюста; а поэтому для желающих ознакомиться с идеями якобинства — а таковые были — это не составляло труда. Нельзя также пренебрегать таким источником информации, как иностранные газеты, поступавшие в Венгрию, в том числе и «Le Moniteur»; они, по-видимому, насчитывали изрядное число читателей¹.

После того как улеглись бури революции, интерес к ней не ослаб, но сведения о ней черпались жаждущими уже не из газет, ветшающих в пыли библиотек. Настала пора историографии Французской революции. Хотя Венгрия и не обогатила каким-либо оригинальным произведением то богатейшее собрание исторических трудов, которые были порождены Французской революцией во всех концах Европы, однако она все же приняла участие в этом великом стремлении переосмыслить исторические факты и извлечь из них пользу.

В 1831 г. один венгерский писатель, Шандор Белени Фаркаш, направившийся в Соединенные Штаты и остановившийся проездом в Париже,

¹ У нас нет еще удовлетворительного обзорного исследования об откликах на Французскую революцию в венгерской прессе того времени. О тогдашней оценке Робеспьера см. *Coloman Benda. Robespierre vu par ses contemporains hongrois.*— «Actes du Colloque Robespierre». Paris, 1967, p. 141—149. По вопросу о венгерской историографии Французской революции см. *István Dioszegi. Robespierre et la Révolution française dans l'histoire hongroise.*— «Actes du Colloque Robespierre». Paris, 1967, p. 265—275. Предметом нашего исследования являются лишь специальные исторические труды в более узком смысле; оно не затрагивает отношения к революции политических деятелей, писателей, вообще интеллигенции. Взгляды немецкой интеллигенции на Французскую революцию в тот отрезок времени, которому посвящено наше сообщение, прекрасно изложены в книге: *Hanna Koblynski. Die französische Revolution als Problem in Deutschland, 1840 bis 1848.* Berlin, 1933.

сделал следующую заметку в своей записной книжке: «Уже около сорока лет Франция служит опытным полем для всех политических принципов — как принципов свободы, так и принципов деспотизма, и благодаря этому всей Европе есть чему у нее поучиться»². Венгрия, еще отсталая и томящаяся в оковах феодализма страна, не могла, конечно, оставить без внимания эти уроки, и она пыталась извлечь их главным образом из истории Французской революции. Несколько десятилетий, предшествовавших революции 1848 г., ознаменовались в Венгрии все более разгоравшейся борьбой против феодального строя; поэтому нет ничего удивительного, что это время было отмечено влиянием — иногда решающим — историографии Французской революции.

Это влияние так же неоднородно, как и сама историография Французской революции. В эволюции этой последней в первой половине XIX в. можно отметить три этапа, более или менее четко разграниченные: 1) период контрреволюционных сочинений Фантена, Дезодоара, Лакретеля и других; 2) период по меньшей мере частичной реабилитации революции в фаталистическом и либеральном духе; для этого этапа характерны труды Байёля, Тьера, Минье, Тиссо; 3) период историографии с якобинскими тенденциями, начало которой положили Буонарроти, Лоран и Левассёр, чьи книги, появившиеся в 1828—1829 гг., расчистили путь работам Бюше, Галлуа, Лапоннере, Кабе и др.³ Ясно, что венгр мог сделать весьма разнообразные выводы из прочитанного в зависимости от того, были ли авторы этих трудов за или против революции; но не менее бесспорно и то, что испытанное им влияние, а в некоторых случаях и самый выбор того или иного источника определялись социальным положением самого читателя, смотря по тому, был ли он аристократом-консервативом, либеральным дворянином или буржуа с радикальными тенденциями. Мы увидим, что в 40-х годах расцвет венгерского радикализма был во многом обусловлен влиянием историографии революционного направления, без этого его просто невозможно было бы понять. Однако это влияние нельзя считать автоматическим, так как всякое идеологическое или политическое течение обретает силу только в том случае, если оно диктуется историческими условиями и потребностями социального слоя, интересы которого оно представляет.

* * *

Среди интеллигентов, испытавших влияние историографии Французской революции, мы в первую очередь отметим Ференца Кёльчеи (1790—1838). Хотя и воспитанный на творчестве писателей Просвещения, он

² *Sándor Bolöni Farkas. Nyugateurópai utazás (Поездка в Западную Европу). Kolozsvár, 1943, 148 old.*

³ Что касается историков Французской революции, то мы рекомендуем следующие превосходные труды: «Extraits des historie français du XIX-e siècle, publiés, annotés et précédés d'une introduction sur l'histoire de France par Camille Jullian». Paris, 1897; *Alphonse Aulard. Les premiers historiens de la Révolution française. Paris, 1910, t. VI, p. 32—134; Albert Mathiez. La politique de Robespierre et le 9 thermidor expliqués par Buonarroti.*— «Annales révolutionnaires», 1910, p. 480—513; *Adolfo Omodeo. La cultura francese nell'età della Restaurazione. Milan, 1946; Alessandro Galante Garrone. I sansimoniani e la storia della rivoluzione francese.*— «Rivista storica italiana», 1949; p. 351—378; *Idem. Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento. Torino, 1951; Б. Рейзов. Французская романтическая историография. М., 1956; Stanley Mellon. The Political Uses of History. A Study of Historians in the French Restoration. Stanford (California), 1958; Peter Stadler. Geschichtschreibung und historisches Denken in Frankreich 1789—1871. Zürich, 1958; Jacques Droz. Historiographie de la Révolution française pendant la Monarchie de Juillet.*— «Actes du Congrès des Sociétés Savantes». Lyon, 1964, t. I, p. 463—479. Хотя Вальтер Марков, исследуя историографические труды, интересуется только мнением их авторов о Жаке Руэ, все же он дает нам хорошую общую картину с ценными примерами (см.: *W. Markov. Jacques Roux oder vom Elend der Biographie.*— «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», 1966). Глубоким изучением историографии якобинского толка в Венгрии еще не занимались.

был как поэт и мыслитель одним из зачинателей романтизма в венгерской литературе, а как политический деятель — одним из лучших представителей либерализма, посвятившим себя, несмотря на свою принадлежность к дворянскому сословию, делу отмены крепостного права. От современников его отличала широкая эрудиция, основанная на знакомстве с огромным множеством книг на греческом, латинском, французском, немецком, итальянском и испанском языках. Естественно, что углубленное изучение истории революции не могло не входить в число вопросов, занимавших его не знающий покоя ум. В недавно найденных бумагах Кельчей⁴ имеется рукопись в 118 страниц ин-кварто с выписками из книги швейцарского историка Христофора Гиртаннера «Historische Nachrichten und politische Betrachtungen über die Französische Revolution» (она была издана в 1793 г. в 12 томах, за которыми в 1797 г. последовал тринадцатый). Эти выписки не принадлежат Кельчей, он только переписал в конце 1810 г. записи своего друга молодости Ференца Каллаи, но нам известно, что он тоже читал книгу Гиртаннера, которая у него вдобавок была, и, принимая во внимание тесное сотрудничество обих друзей, мы можем судить по этим заметкам о том, как формировались его взгляды. В то время когда делались эти выписки, оба друга были заняты разработкой своей философии, и читая труд Гиртаннера, они прежде всего интересовались не самими событиями, а историческими и социальными причинами этих событий и моральной характеристикой выдающихся деятелей революции. Христофор Гиртаннер был консервативным писателем, противником всякой революции, — но также и деспотизма — и сторонником умеренных реформ; чтение его книги должно было убедить венгерских читателей в правильности эволюционизма. Оба друга полагали, что останутся верными этой концепции на всю жизнь, однако в дальнейшем их мировоззрение претерпело примечательные изменения. Ференц Каллаи делался с течением времени в своих политических воззрениях все большим ретроградом, и — любопытная вещь! — именно поэтому он поместил в 1847 г. в одной газете перевод нескольких страниц из книги молодого Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»; этот перевод имел целью, выставив напоказ вскрытые Энгельсом пороки капитализма, сорвать выдвинутый прогрессистами план индустриализации⁵. Что касается Ференца Кельчей, то, не покидая колеи либерализма, он постепенно осознал необходимость революции. Незадолго до смерти, после непрерывного труда целой жизни, глубоко усвоив как учение Гегеля, так и пророчества «Paroles d'un croyant»⁶, он следующим образом выскажется в своем «Parapnesis»⁷, этом шедевре морализирующей философии: «Часто насильственное потрясение позволяет добиться того, чего не удалось достичь мирным путем... Но, поразмыслив над этим, приходишь к выводу, что само это потрясение подготовлено длительным трудом; в противном случае оно привело бы только к бессмысленным разрушениям». В этих колебаниях между эволюционизмом и революционным мировоззрением слышится отзвук взглядов Христофора Гиртаннера. Однако Кельчей, пожалуй, скорее склоняется к принятию революции «Бурные народные движения подобны грозам небесным и извержениям вулканов; и те и другие обусловлены непреложными законами судьбы. Горе тому, кто вознамерится святотатст-

⁴ «Kolcsey Ferenc kiadatlan írásai 1809—1811» («Неизданные сочинения Ференца Кельчей 1809—1811 гг.»), подборка, предисловие и примечания Szauder. Будапешт, 1968

⁵ Sandor Lukacsy. Engels első magyar olvasói (Первые венгерские читатели Энгельса) — «Valóság», 1966, N 1, p 107—112

⁶ Sandor Lukacsy. Kolcsey és a világtörténelem (Кельчей и всемирная литература) — «Nagyvilág», 1963, p 1697—1700

⁷ Ни тут, ни далее я, когда речь идет о венгерских классиках, не указываю издания, так как цитируемые места можно найти в любом

венно воспренятствовать им!» Симпатия, которую Ференц Кёльчей стал в конце концов питать к Французской революции, ярко проявилась в одном из его писем, адресованных в начале 1837 г. Михаю Вёрёшмарти, поэту-романтику и редактору журнала «Athenasum». В этом журнале была опубликована статья о Бёрке и о его резкой критике Французской революции, и Кёльчей упрекает Вёрёшмарти в том, что он напечатал эту контрреволюционную и направленную против либералов статью.

Ничто лучше не характеризует духовной атмосферы той эпохи, как ответ Михая Вёрёшмарти. Он заявляет, что и он тоже ни в коей мере не сочувствует взглядам Бёрка и если и счел полезным опубликовать эту статью, то исключительно потому, что публика жаждет сведений о Французской революции; а раз цензура не пропускает никаких одобрительных высказываний о Революции, то редакции, если она желает удовлетворить интерес своих читателей, не оставалось ничего иного, как опубликовать хвалу по адресу Бёрка. В этом ответе ощущается, правда, неуклюжая попытка снять с себя вину, но ссылка на цензурные рогастики обоснованна. За все это время, вплоть до 40-х годов XIX в., на венгерском языке появились только две книги по истории Французской революции, да и то совершенно незначительные контрреволюционные памфлеты. Несколько журнальных статей, равно как и беллетристические опусы на эту тему, кстати еще более редкие, выдержаны по большей части в подобном же духе. В 1841 г. молодой писатель Иштван Эёрдег поместил в одном литературном альманахе рассказ, в котором Робеспьер изображен не только жаждущим крови тираном, но и гнусным шутовским соблазнителем, не погнушавшимся перерядиться, лишь бы только завоевать благосклонность молодой девушки. Этому же автору принадлежит драма «Шарлотта Корде», подлинная диатриба против Марата; она свидетельствует о полном невежестве Эёрдега в области истории; он выводит на сцену жирондистских вождей — Бриссо, Жансонне, Верньо как сообщников Марата и членов Революционного трибунала. Довольно обескураживающая поэтическая вольность, даже если учитывать, что автору во время сотворения этого драматического опыта не было и двадцати лет. Приблизительно в то же время Янош Эрдели, талантливый писатель и демократ по убеждениям, мечтал посвятить драму Камиллю Демулену, но, зная строгости цензуры, вынужден был отказаться от этого замысла. Однако действия цензоров не всегда были последовательными. В 1835 г. один автор духовного звания, рассуждая на основе некоего немецкого источника о причинах Французской революции, приходит к выводу, что их было три: пренебрежение к религии, нищета народных масс и легкомыслие французов⁸. В 1838 г. другой автор идет еще дальше: он протестует против распространенного мнения, будто причиной всех беспорядков были идеи эпохи Просвещения, он даже восхваляет «лучезарный» гений Вольтера и его борьбу «против мракобесов»; он хвалит также Руссо, «который дорог всякой чувствительной душе»; он находит, что революция была вызвана главным образом ужасным положением народа и жестокостью деспотизма⁹. Еще более поразительно появление в 1839 г. в одном журнале речи Робеспьера против смертной казни¹⁰. Если не счи-

⁸ *Lászlo Vass. Az 1789-dik esztendei Frantzia Revolutzióinak okairól* (О причинах Французской революции 1789 г.). — «*Tudományos Gyűjtemény*», 1835, N VIII, p. 1—21.

⁹ XXX A'franciaországi lázadás alapokai (Основные причины восстания во Франции). — «*Tudományos Gyűjtemény*», 1838, N XI, p. 1—26.

¹⁰ «*Hasznos Mulatságok*» (23 и 27 ноября 1839 г.). Откуда взят текст речи, не указано, но, безусловно, из биографии, написанной Ф. А. Шульце (*F. A. Schultze. Robespierre. Mit Beziehung auf die neueste Zeit dargestellt von einem Wahrheitsfreunde. Leipzig, 1837*). На стр. 49 этой книги немецкий автор, приводя цитату из речи Робеспьера, предваряет ее следующим замечанием: «Можно, конечно, усомниться, действительно ли ранее, в иных обстоятельствах, отказ Робеспьера от должности судьи был вызван его отвращением ко всякому кровопролитию: ведь с 1793 г. он предстает перед

тать переводов отдельных отрывков, появившихся в газетах времен революции, то это был первый венгерский перевод речей Робеспьера: за ним последуют другие, но лишь в годы революции 1848 г., после отмены цензуры. До тех же пор она оставалась грозным препятствием, побуждавшим даже просто любопытствующих прибегать к окольным путям. Так, в 1834 г. один венгерский дворянин, пожелавший получить текст «Марсельезы», вынужден был попросить своего друга, Лайоша Кошута, будущего организатора борьбы против Габсбургов за независимость Венгрии, раздобыть ему рукописную копию. Кошут послал ему эту копию, присовокупив к ней небольшой трактат — впрочем, хорошо документированный — истории французского национального гимна и о жизни его автора¹¹.

Как бы спорадичны ни были эти проявления некоторой симпатии к революции, они все же служат достаточным доказательством того, что в 30-х годах среди венгерских либералов наблюдалось стремление самим понять Французскую революцию и помочь понять ее и другим. Само собой разумеется, что к эпохе якобинской диктатуры это не относилось; даже самые передовые умы выражали — так сказать, в обязательном порядке — отвращение к Робеспьеру и в особенности к Марату, отвращение полностью в духе исторической школы Тьера и Минье, труды которых служили им руководством. Поколение Лайоша Кошута (1802—1894) не имело еще в молодые годы в своем распоряжении историографических работ в якобинском духе, оно даже вынуждено было иногда довольствоваться трудами довольно незначительными. Так, например, Лайош Кошут для своих до сих пор мало известных рукописных заметок по истории Французской революции (аналогичных заметкам Френца Кельчеи) пользовался в 1826 г. работой одного немецкого историка, Эрнста Людвиг Поссельта, появившейся в 1800 г. в журнале «Europäische Annalen». Позднее, особенно в годы тюремного заключения, которому он подвергся в 1837 г. за распространение рукописной политической газеты, он, несомненно, расширил свои знания, изучив другие исторические труды. Его революционные симпатии, однако, никогда не распространялись на политику якобинцев¹². В одной из своих речей, произнесенной в 1832 г., он назвал Робеспьера «диким зверем, имя которого заслуживает проклятия потомства». Правда, он мотивировал свое отрицательное мнение тем, что Робеспьер во время диктатуры уничтожил свободу печати, но все же этот приговор слишком резок, а главное, это не единичное высказывание. Аристократы-консерваторы считали крамольными даже самые умеренные и сопровождаемые бранью либеральные суждения по адресу якобинцев. Было принято обличать — как в прессе, находившейся на содержании у правительства, так и на собраниях дворянства — всех тех, кто отваживался высказываться независимо и в оппозиционном духе, их обвиняли в том, что они хотят насадить в Венгрии ужасы Французской революции. В рукописной газете Кошута приводятся не без иронии инсинуации некоего Денеша Юшта на одном политическом собрании в 1836 г. «Винновниками всех терзающих нас

нами как чудовище, не могущее и дня прожить без свежепролитой человеческой крови. Тем более важно для друга истины высказанное Робеспьером на заседании 30 мая 1791 г. мнение о смертной казни, и краткость этого суждения тем более обязывает нас уделить ему здесь место». Венгерский переводчик начинает свою статью почти буквально так же. Эти вводные строки помогают нам понять снисходительность цензуры. Ср. письмо Кошута, равно как его выписки из истории революции и прочие заметки, о которых пойдет речь ниже.

¹¹ См. «Kossuth Lajos Összes Munkái», VI. kötet. Ifjúkori iratok, Törvényható sági tudósítások (Собрание сочинений Лайоша Кошута, т. VIII. Ранние произведения. Будапешт, 1966).

¹² Особенно характерно заявление Кошута после революции 1848 г.: «Я сумел оборонить свою родину от внешнего врага, но не справился с изменой внутри страны. Может быть, мне бы это удалось, будь я Робеспьером. Но я не мог, я не хотел им стать...»

бедствий, — говорит этот упорный защитник привилегии дворянства, — являются французы (*ab infausta Gallorum progeme*)», и затем он обрушивается на преступников. Петиона Карно, Марата, Робеспьера и т. д. и заканчивает свою речь угрозами по адресу тех, кто думает намерение подражать им. Этот оратор был просто грубым невеждой, но даже человек столь возвышенного ума, как граф Иштван Сеченьи (1791—1860), неутомимый поборник либеральных реформ, не гнушался такого же образа действий по отношению к своему сопернику Лайошу Кошуту. Французская революция играла преобладающую роль в аргументации Сеченьи в защиту реформ в одной из своих книг, вышедшей в 1830 г.¹³, он утверждал, что реформы — единственное средство предупредить революции, причиной которых всегда являлась нужда, и что лучше добровольно уступить народу то, что он в противном случае возьмет силой. Но когда в 1841 г. Лайош Кошут по выходе из тюрьмы основал политическую газету, где повел ожесточенную борьбу против феодализма, Иштван Сеченьи был шокирован неистовством этой кампании и выступил в качестве обвинителя Кошута, утверждая, что он следует политике Робеспьера, что его агитация грозит возмутить народные массы и вызывает призрак революции, все ужасы господства гильотины. Это обвинение было категорически отвергнуто Кошутом, которого в этой дискуссии, одной из самых значительных того периода, поддержали наиболее выдающиеся либералы, а именно поэт Михай Верешмарти и автор социальных романов и периодический публицист Йозеф Этвеш (1813—1871)¹⁴.

Из всех современников Кошута этот последний лучше других знал историю Французской революции. Каталог его библиотеки, из которой до нас дошло более двух тысяч томов, свидетельствует о его высокой культуре и незаурядной эрудиции. Наряду с многочисленными трудами по философии, юриспруденции и экономике, в том числе и писателей-социалистов — от Сен-Симона до Пеккера, в ней имеется богатое собрание исторических работ, особенно по истории Французской революции: оно насчитывает около сотни томов, по большей части с заметками на полях. Там находились среди прочих сочинения Рабо-Сент-Этьенна, Монжуа, Лакретеля, Фантена, Дезодора, г-жи де Сталь, Тьера, Мишье, Беннера, Ваксмута, Шлоссера; и несмотря на то что Йозеф Этвеш обладал очень скромными средствами, он все же приобрел сорок томов «*Histoire parlementaire*» Бюше и Ру, которые стоили не меньше 160 фр. Кроме того, ссылки на разных авторов, встречающиеся в его книгах, доказывают, что он читал еще и другие труды — от Берка до Мишле, не сохранившиеся в его библиотеке. Йозеф Этвеш — первый венгр, который, согласно сообщению одного из его друзей, намеревался написать историю Французской революции. Хотя намерение и не было осуществлено, мы можем составить себе представление о замысле этого труда. Сочинения Йозефа Этвеша изобилуют намеками на события и деятелей Французской революции, выдержанными в умеренном духе: автор, враждебный всякой диктатуре, будь то народа или кесаря, стремился к некоей золотой середине между необузданной свободой и твердым, но бесконтрольным правительством, и он сожалел, что революционной Франции не удалось найти пути к разумной свободе. После революции 1848 г., сделавшей из Йозефа Этвеша сперва министра, а потом эмигранта, испуганного ходом событий, он приступил к широко задуманному труду по социальной философии под названием «Господствующие идеи XIX в.», где дает любопытную критику историографии Французской революции. Он ставит авторам в упрек то, что они, во-первых, придают парламент-

¹³ *István Széchenyi. Hitel* (Кредит) Pest, 1830.

¹⁴ «*Grof Széchenyi István írói és hírlapi vitája Kossuth Lajossal*» («Дискуссия в печати между графом Иштваном Сеченьи и Лайошем Кошутом»), под редакцией и с примечаниями Дьюлы Висота, I—II Будапешт, 1927—1930

ским прениям больше значения, чем они того заслуживают; во-вторых, рассматривают Французскую революцию как борьбу за свободу, хотя на самом деле это была борьба за власть; и, в-третьих, пренебрегают анализом поведения во время революции всего французского народа, интересуясь только парижанами. Историком, избежавшим этих ошибок и ставшим несколько лет спустя идеалом Йожефа Этвеша, был Токвиль, автор книги «Ancien régime et la Révolution», труда, которому тотчас же после выхода его в свет венгерский писатель воздал хвалу в специальном серьезном исследовании¹⁵.

В борьбе против феодализма и за создание централизованного буржуазного государства со свободными учреждениями достойным соратником Йожефа Этвеша был Ласло Салаи (1813—1864). Превосходное знание исторической литературы привело его в ряды тех, кто понял, что состояние Венгрии в 40-х годах аналогично состоянию Франции в 1789 г. Салаи был сторонником принципов 1789 г., принципов конституционной монархии, но он осуждал последующие этапы развития Французской революции после 1791 г. В 1847 г. в очерке, посвященном Тьеру, он выносит суровый приговор его сочинению, являющемуся, по его мнению, не столько историей Французской революции, сколько ее апологией, и утверждает, что фатализм, которым она проникнута, играет на руку сторонникам террора. Зато Гизо был любимым историком Ласло Салаи. Совсем недавно в парижском Национальном архиве были обнаружены два письма Ласло Салаи к Гизо. В одном из них венгерский публицист объявляет себя учеником французского историка и посылает ему одну из своих книг с подробным и преисполненным похвал разбором трудов Гизо; в другом, от 1849 г., он просит Гизо быть крестным отцом его ребенка (неизвестно, согласится Гизо или нет)¹⁶. Симпатии Ласло Салаи распространяются только на первый этап Французской революции, не удивительно поэтому, что из всех ее деятелей он особенно интересовался Адриеном Дюпором и Мирабо, избрав их предметом двух своих работ. Для характеристики Мирабо он использовал множество литературных источников, от Мерилу и Дюмона до Маколей, и снабдил повествование обширными выдержками из речей своего героя. Что же касается духа этого исследования, то нигде он не обнаруживается так ясно, как в следующем факте: о находке документов, свидетельствующих об измене Мирабо, даже не упоминается. Из всех проявлений политического гения Мирабо наибольшее восхищение Ласло Салаи вызывает его решение фигурировать, несмотря на свой графский титул, среди членов Генеральных штатов лишь в качестве представителя третьего сословия, как «трибуна лавочников и торговцев растительным маслом Эксан-Прованса». В этом отношении Мирабо обрел себе подражателя в лице самого Ласло Салаи, который, будучи дворянином, в свою очередь представлял в сеиме маленький буржуазный городок.

В преддверии 1848 г. венгерской либеральной буржуазии, почувствовавшей, что цензурные путы несколько ослабли, и стремившейся склонить умы к признанию ее концепции Французской революции, удалось опубликовать ряд книг о революциях современности. Это было предпринято Йожефом Байзой (1804—1858). Сладкоречивый поэт и грозный литературный критик, он был выдающимся деятелем либеральной партии и с 1844 по 1846 г. издавал «Историческую библиотеку», по большей

¹⁵ Книжное наследие Йожефа Этвеша хранится в библиотеке «Этвеш» Венгерской Академии наук. См. *Sándor Lukácsy. Eotvös József könyvtára* (Библиотека Йожефа Этвеша) — *Irodalomtörténeti Közlemények*, 1966, p. 523—524. См. также рукописную диссертацию Миклоша Беней (1967)

¹⁶ «Szalay László két levele Guizot francia külügyminiszterhez» («Два письма Ласло Салаи французскому министру иностранных дел Гизо»), сообщение Эстер Ф. Вальдапфель в «Magyar Tudomány», 1967, p. 807—809

части в собственных переводах; в нее вошли «Allgemeine Geschichte» Кольба, «Geschichte der englischen Revolution» Дальмана, «Leben und Briefwechsel Georgs Washingtons» Спаркса, «Histoire de la Révolution française» Минье. Эта последняя книга — единственный ценный труд о событиях во Франции, переведенный на венгерский язык до 1848 г.; переводы «Histoire des girondins» Ламартина и грандиозного труда Мишле были сделаны значительно позже, а книга Луи Блана так и не была переведена. Труд Минье, безусловно, пользовался популярностью в Венгрии; но расчеты Йожефа Байзы на то, что его опубликование повлияет на радикальные умонастроения молодежи, не оправдались: книга вышла слишком поздно, ибо в это время молодая интеллигенция интересовалась уже исторической школой якобинского толка. Труд Кольба отличается от труда Минье своими более передовыми взглядами. В главе, посвященной Французской революции, автор перечисляет неоспоримые преимущества этого движения, хотя и доставшиеся ценою бесконечных страданий; он насчитывает их десять, и первое из них — развитие земледелия, избавленного от феодальных повинностей.

Противоречие между одобрением принципов первого периода Французской революции и осуждением якобинской диктатуры — главная характерная черта либерализма как в Венгрии, так и во всей Европе. В венгерской литературе эти взгляды получили наиболее яркое выражение, свое, так сказать, поэтическое освящение в «Трагедии человека», философской драме Имре Мадача (1823—1864). Ее автор, отпрыск дворянского рода, унаследовал от своего деда, современника Французской революции, библиотеку, в которой находилось много книг по ее истории и которую он еще пополнил. Его драматический шедевр, созданный в 50-х годах и великолепно переведенный на французский язык Жаном Руссело, представляет собой серию исторических картин, которые сняты Адаму, прародителю рода человеческого. Конечно, в этом широком полотне обязательно должна была найти отражение и Французская революция. Главные действующие лица этой сцены — Дантон и революционные санкюлоты. Эрне Цобель, выдающийся литературовед, первым применивший в Венгрии в начале XX в. марксистский метод к литературным исследованиям, доказал в 1912 г., что замысел этой сцены возник под влиянием «Le Livre des orateurs» Корменена¹⁷, одного из трех французских политических писателей, наиболее популярных в Венгрии того времени; два других были Ламенне и Луи Блан. Эта драма, вполне заслуживающая сравнения с драмой Георга Бюхнера, свидетельствует о революционных симпатиях автора, который, однако, не смог понять необходимости террора.

Понять эту необходимость было суждено не либеральным мыслителям, а последующему поколению, а именно радикальной молодежи, которая стала затем начинательницей и авангардом революции 1848 г.¹⁸

Этот авангард сформировался в начале 40-х годов, объединив лучших представителей молодежи той эпохи, преимущественно буржуазного происхождения. Это была студенческая молодежь, общавшаяся, однако, временами с бастовавшими рабочими столицы, например с портными в 1842 г.; молодежь шумливая, начинавшая вдруг в театре распевать «Марсельезу» к великому негодованию графа Сеченьи, и в то же время молодежь, усердно занимающаяся, рукописные заметки которой свидетельствуют о

¹⁷ *Ernö Czöbel. Madách és Cormenin Timon* (Мадач и Корменен Тимон). — *Egyetemes Philologiai Közlöny*, 1912, p. 860—864.

¹⁸ О поколении молодых радикалов см. *Sándor Fekete. A márciusi fiatalok* (Мартовская молодежь). Будапешт, 1956; *Sándor Lukácsy. A márciusi ifjak* (Мартовская молодежь) в «*A magyar irodalom története*» («История венгерской литературы»). Будапешт, 1965, т. III, стр. 691—715 (с библиографией).

горячем интересе к исторической науке; это поколение молодых радикалов было как бы зачаровано историей Французской революции. Что же касается формирования ее взглядов, то тут радикальная молодежь была во многом обязана старшему поколению, поколению интеллигентов-либералов, ее учителей даже в буквальном смысле слова, т. е. еще со школьной скамьи. В первые десятилетия века школьные учебники только поносили Французскую революцию; но начиная с 1825 г. некоторые профессора, особенно Йозеф Ченгери и Иштван Бочор, в своих лекциях, оставшихся по большей части в рукописи (что вполне понятно), стали знакомить молодежь с начатками более справедливого истолкования революционных событий. Йозеф Ченгери утверждал, что «всякая народная революция совершается во имя установления лучшего порядка вещей, уничтожая все дурное»; что «революции необходимы и вызываются благородными побуждениями, тогда как движущей силой контрреволюций являются низменные личные интересы». Но даже эти превосходные профессора осуждали якобинскую диктатуру, и их либеральные воззрения не могли полностью удовлетворить молодежь, заполнявшую аудитории и жадно ловившую каждое слово своих наставников¹⁹. Подлинным учителем молодых венгерских радикалов стала французская историография якобинского толка.

Впрочем, они не были первыми читателями произведений этой исторической школы. Известны рукописные заметки и дневник Габора Лонья (Lonyay) (1805—1885)²⁰, члена нескольких дворянских сеймов и сотрудника Лайоша Кошута. Сведения, которые можно почерпнуть из этих рукописей, изобилующих выписками на французском языке из прочитанного, поистине драгоценны. Вполне естественно, что культурный человек того времени был знаком с историческими трудами Вильмена, например, или Армана Карреля. Но невольно поражаешься, обнаруживая в списке прочитанного Габором Лонья, этим убежденным либералом, книги, принадлежащие перу писателей-коммунистов, вроде «Histoire de la Révolution française» Лапоннера или аналогичного труда Кабе. И это не исключение: весь список свидетельствует о живом и неослабном интересе Габора Лонья к социалистическим и коммунистическим сочинениям той эпохи: «L'organisation du travail» Луи Блана и «Système des contradictions économiques» Прудона привлекали его внимание в не меньшей мере, чем труды Мишеля Шевалье и Ламенне или «Немецкие ежегодники» со статьями Энгельса и Маркса. Согласно имеющимся у нас несомненным свидетельствам Габор Лонья был первым венгерским читателем этих работ. Вполне логично, что интересу к истории Французской революции сопутствовал интерес к различным социальным и экономическим теориям, социалистическим или коммунистическим. Анри Гуйе вполне справедливо расценивал все творчество Сен-Симона как «размышление о революции»²¹, и то же самое можно сказать обо всех социалистических доктринах. Любопытно, что в статьях и политических выступлениях Габора Лонья влияния прочитанной им социалистической и коммунистической литературы почти не чувствуется; это объясняется тем, что знакомство с ней нужно было ему только для расширения умственного кругозора: он хотел знать социалистические теории, но поскольку их применение в Венгрии он считал преждевременным и они шли вразрез с его либеральными убеждениями, то он их не принимал.

¹⁹ О Йозефе Ченгери и Иштване Бочоре см. *Sándor Biró. Történelemtanításunk a XIX. század első felében* (Преподавание истории в первой половине XIX века). Будапешт, 1960.

²⁰ Archives Nationales. Budapest. Archives de la famille Lonyay, papiers de Gábor Lonyay, p. 458.

²¹ *Henri Gouhier. Saint-Simon et Auguste Comte devant la Révolution française.* — «Revue philosophique de la France et de l'étranger», 1939, p. 199.

Племянник Лонья, Габор Казинци (1818—1864), побуждаемый, быть может, своим дядей, проявлял не менее живой интерес ко всему новому и смелому во французской и немецкой политической литературе. В конце 30-х годов Габор Казинци возглавлял небольшую группу молодых литераторов-радикалов, первых, кто действительно заслужил это наименование; одна правительственная газета избличала их группу как своего рода тайную организацию, именуемую «Молодая Венгрия», наподобие «Молодой Италии» Маджиши. Эта маленькая группа намеревалась издать литературный журнал под многозначительным названием «Друг народа», но не получила разрешения властей²². Хотя этот кружок очень скоро распался, все же члены его оказали некоторое влияние на других литераторов, еще более молодых. Начиная с 1844 г. Габор Казинци поддерживал дружеские отношения с Шандором Петёфи, который воспел их в стихах. Не Габор ли Казинци — поклонник Сен-Симона и усердный читатель коммунистических сочинений, как, например, Лаотьера, — привлек внимание Петёфи к социалистической литературе и к якобинскому истолкованию Французской революции? Подтверждения этому до сих пор найти не удалось, но все же это предположение весьма заманчиво.

Во всяком случае молодое поколение, поколение Петёфи, восхищалось Французской революцией, ее историками и всем французским романтизмом — в социальных вопросах и в литературе. Подтверждением тому служат часто цитируемые слова Мора Йокаи: «Мы все были французами. Мы читали только Ламартина, Мишле, Луи Блана, Сю, Виктора Гюго и Беранже...» Последние труды французской историографии накануне революции 1848 г., книги Ламартина, Альфонса Эскироса и первые тома истории Мишле и Луи Блана, появившиеся в 1847 г., пользовались громадным успехом среди молодого поколения венгерской интеллигенции, зачитывавшегося ими и обсуждавшего их устно и в газетах. Один из этих молодых литераторов пошел даже на сделку со своей совестью, согласившись сотрудничать в газете, чуждой по духу его убеждениям, только ради того, чтобы заработать деньги на покупку «Histoire des girondins» Ламартина. И позднее Йожеф Этвеш, вспоминая о том, что занимало умы интеллигенции той эпохи, писал: «То, чем являлась для деятелей Французской революции древняя история, для нашего времени стала история этой революции... Герои Конституанты и Конвента заняли место тех, которых увековечил Плутарх». Либеральные политики с беспокойством взирали на это революционное брожение. Один из них, Ференц Деак, упрекал молодежь в том, что она возвела в свой идеал героев революции и готовится при случае выступить в их роли; по его мнению, «Histoire des girondins» — это книга, подрывающая основы.

Что же касается радикальной молодежи, то она не довольствовалась одним книжным знакомством с Францией, страной революций, она старалась ее посетить. Многим это удалось. Йожеф Ириньи (1822—1859), талантливый журналист, был одним из первых. Изучив по сочинениям Тьера историю Французской революции, он провел в 1842 и 1843 гг. несколько месяцев в Париже, где завязал знакомство с Виктором Гюго и посетил памятные места революции, в том числе дом, где проживал Марат. Книга его, посвященная воспоминаниям о поездке, запрещенная цензурой, однако опубликованная в Германии, — одно из значительнейших политических сочинений того времени. В ней имеется среди прочего и описание площади Карусель, заканчивающееся хвалебным гимном революции. «Эту площадь можно сравнить с книгой, беспощадно осуждающей королевскую власть... Эта площадь — огромный

²² Ilona T. Erdélyi. Az Ifjú Magyarország és Kazinczy Gábor (Молодая Венгрия и Габор Казинци). Будапешт, 1965.

храм, где собирается для молитвы вооруженный народ... Эта площадь — гора Синай, священное место откровений народа...» И автор добавляет: «Не забывайте, что революция, начавшаяся в 1789 году, еще не окончена!»²³

В 1846 г. в Париж прибыл другой венгерский писатель, Михай Танчич (1799—1884). Хотя он был мною старше молодых радикалов, его революционные убеждения сблизили его с ними, он был их предшественником. Сын крепостного, он вынужден был в молодости заниматься крестьянским трудом; подобно Прудону, он пас скот; его даже истязал управляющий помещика. Несмотря на то что он смог заняться самообразованием только в зрелом возрасте, он все же приобрел обширные знания, особенно в области социальной философии, и в 30-х годах стал политическим писателем. Всю свою жизнь он был поглощен одной задачей — улучшением участи крестьянства, самым преданным представителем которого он являлся. Прекрасно зная все тогдашние социалистические учения, он в конце концов — несомненно, под влиянием Кабе — склонился к идее коммунизма. В библиотеке Михая Танчича имелись все четыре тома «Histoire populaire de la Révolution française» этого автора. По его собственному признанию, именно эта книга убедила его в том, что Робеспьер был «безукоризненно честным человеком, непоколебимым республиканцем, который если и карал, то отнюдь не из жестокости, а потому, что он хотел искоренить всё, препятствовавшее достижению счастья человечества». С «Voyage en Icarie» Кабе Михай Танчич также был знаком и высоко ставил это произведение; в одной из своих работ он советовал молодежи прочесть эту книгу. Во время своего пребывания в Париже он встретился с Кабе; так как венгерский путешественник мог по-французски только читать, то беседовали они по-латыни.

Михай Танчич не единственный венгр, принявший под влиянием Кабе якобинское истолкование Французской революции и пришедший в итоге, в силу самой логики этой интерпретации, к отрицанию частной собственности. Пал Вашвари и Шандор Петёфи, два самых выдающихся представителя радикальной молодежи, тоже усердно читали труды Кабе.

Пал Вашвари (1826—1849) был одним из организаторов революционного выступления 15 марта 1848 г. Сын скромного священника греко-униатской церкви, он готовился к карьере историка; его рукописные заметки свидетельствуют об обширном знакомстве с источниками по истории Венгрии и хорошем знании всех основных исторических школ современной ему Европы. Он был принят в кружок аристократов с демократическими убеждениями, поддерживавших личные контакты с Мишле; этот последний стал его любимым писателем, он посвятил ему специальное исследование и подпал под особое влияние его романтического стиля. Что же касается социальной философии, то в этом отношении он значительно больше обязан Кабе, которого считал самым передовым историком той эпохи; его «Voyage en Icarie» стало настольной книгой. В конце 1848 г. Пал Вашвари опубликовал ряд философских статей о Французской революции. Под явным влиянием историографии якобинского толка²⁴, представляемой Кабе, молодой писатель решил реабилитировать якобинскую диктатуру, в том числе и террор, и даже историческую роль Марата. «Когда представляешь себе, как воздвигаются злоещие эшафоты революции, как под ножом гильотины падают тысячи голов, то необходимо помнить, что не революция повинна во всех этих

²³ József Irinyi. Német-, francia-, és angolországai uti jegyzetek (Путевые заметки о Германии, Франции и Англии). Галле, 1846, т. I, стр. 136—137, 172.

²⁴ Pal Vasvári. Irányrajzok az első francia forradalomról (Очерки первой Французской революции). — «Eletképek», июль-август 1848.

ужасах, они были спровоцированы врагами свободы, гнусными пособниками тирании, желавшими принудить народ вновь надеть на себя ярмо рабства. Дерево свободы должно поливать кровью...» Впоследствии Пал Вашвари дал обзор исторических концепций Французской революции, охарактеризовав их различную направленность. Он осуждает метод Ранке за умышленную сдержанность, за нежелание высказать свое суждение об исторических фактах. Что касается Тьера, то он рассматривает революцию лишь как подготовительный этап к восторженно приветствуемому пришествию Наполеона. «Histoire populaire» Кабе — обширный памфлет, заканчивающийся следующим выводом: «Все короли должны быть уничтожены; пусть весь мир превратится в республику; без этого счастье невозможно!» Ламартин находится в плену своей чувствительности и своего творческого воображения: он воскрешает мертвецов революции, не отделяя добрых от злых. Мишле до такой степени отождествляет себя с революцией, что его чувства не позволяют ему ясно видеть факты. Луи Блан различает три исторические эпохи, характеризующиеся тремя принципами, а именно: властью, индивидуализмом, братством; его личные симпатии принадлежат последнему, что, конечно, служит к его чести, но мешает объективному подходу к истории. И Пал Вашвари приходит к следующему выводу: до сих пор историки Французской революции разрабатывали только отдельные ее периоды, а свести эти части в одно целое должен будет историк-иностранец, не отягощенный политическими предубеждениями французов. Можно предполагать, что Вашвари собирался сам взяться за эту грандиозную задачу. Преждевременная смерть помешала ему осуществить свой замысел.

Формирование взглядов и исторические, политические и социальные концепции Шандора Петёфи и Вашвари во многом сходны. Творчество Петёфи, лиризм поэзии которого поставил его в ряд величайших поэтов столетия, отличается от творчества его современников своими идеями, значительно более передовыми, чем у Гейне или Виктора Гюго. Шандор Петёфи не только революционный поэт, поэтические произведения которого возвестили и подготовили революцию 1848 г., он также поэт, интересующийся социальными проблемами, с эгалитарными воззрениями, выражающими чаяния, аналогичные чаяниям необабувизма, проповедуемого учениками Филиппа Буонаротти, с чьими идеями он был знаком²⁵. Так как бабувистские идеи по существу представляют собой не что иное, как социальную критику Французской революции, то очевидно, что все, разделяющие эти воззрения, должны были серьезно размышлять над опытом Французской революции. Это полностью приложимо к Петёфи. Он считал историю Французской революции библией человечества, новым евангелием мира, с которым он, по собственному признанию, не расставался ни днем ни ночью. Первые серьезные занятия Петёфи историей Французской революции относятся к весне 1846 г., именно тогда он прочел «Histoire populaire» Кабе²⁶. Знакомство с этой книгой произвело решительный переворот в его идейной и поэтической эволюции; именно после этого появляются его первые стихотворения, проникнутые революционными и эгалитарными мотивами, представляющие резкий контраст с его прежним творчеством, выдержанным в мрачных и пессимистических тонах. Но Петёфи не удовольствовался одной этой книгой по истории революции. Судя по всему, он познакомился также с книгой Минье, по крайней мере в венгерском переводе, а также с книгой Тьера; мы совершенно точно знаем, что он читал «Histoire des girondins», из кото-

²⁵ Sándor Lukácsy. «...és piros zászlókkal» (Под красными знаменами). — «Kritika», ноябрь 1967, январь и март 1968.

²⁶ Sándor Lukácsy. Petőfi és Cabet (Петёфи и Кабе). — «Irodalomtörténeti Közlemények», 1966, p. 293—334.

рой заимствовал сюжет одного своего стихотворения; в нем идет речь о героическом самоубийстве Борнепера, защитника Вердена. Читал он также «Histoire des Montagnards» Альфонса Эскироса, после чего преисполнился глубоким уважением к Марату. На стене своей комнаты он повесил его портрет рядом с портретом своего лучшего друга Яноша Араня. Библиотека Петёфи, к сожалению, не сохранилась: в 1848 г. она была продана с аукциона самим поэтом, иначе он не смог бы внести свой вклад в фонд защиты родины. Она, наверное, была богатой, эта библиотека, ведь в ней имелась среди прочего такая редкость, как первое издание «Духа революции» Сен-Жюста с собственноручной надписью поэта: «Сокровище Шандора Петёфи». Известен также список, составленный Петёфи, вероятно, в 1847 г., с перечислением названий около 40 книг, которые его интересовали и которые он хотел приобрести. Кроме трудов по философии и сборников французской и английской поэзии в этом списке значится ряд трудов по истории революций в Европе, особенно по Французской революции. Этот документ доказывает, что Петёфи намеревался прочесть «Commentaires philosophiques et politiques sur l'histoire de la Révolution française» Жана Беннера, мемуары — апокрифические или подлинные — Мирабо, Барера, Бриссо, Карно, Кондорсе, Камиля Демулена, Робеспьера, г-жи Ролан, «Переписку» Камиля Демулена, «Souvenirs et portraits de la Révolution française» Шарля Нодье, 5 томов «Débats de la Convention nationale» и 40 томов «Histoire parlementaire» Бюше и Ру. Мы не знаем, удалось ли ему достать и прочесть эти книги, которые он так хотел иметь, но, принимая во внимание, что вскоре вспыхнула революция 1848 г., оторвавшая его от научных занятий, это представляется маловероятным. Все же список свидетельствует об из ряда вон выходящем интересе к Французской революции. Не собирался ли он, подобно Марксу, написать ее историю или же, подобно Георгу Бюхнеру, использовать как сюжет для драмы или эпической поэмы? Такое намерение не было бы беспрецедентным в Венгрии, так как в 1848 г. там были опубликованы отрывки из посвященной Французской революции эпической поэмы молодого поэта Эрнё Магоша²⁷; она написана гекзаметром, и этот классический стиль никак не вяжется с революционным содержанием; кажется, это единственный случай в европейской литературе той эпохи. Что же касается Петёфи, то у нас нет никаких свидетельств, подтверждающих наличие у него подобных намерений. Значительно более вероятно, что он изучал историю Французской революции, дабы сделать из этого политические выводы и подготовиться к выполнению той революционной задачи, которая действительно не заставила себя долго ждать. Однако эти занятия не могли не отразиться на его творчестве. В одном из своих лирических стихотворений он выражает желание выступить когда-нибудь в роли Камиля Демулена; другое стихотворение, по признанию самого поэта, должно было стать чем-то вроде «Марсельезы», чтобы повести защитников родины к победе.

Итак, мы видим, что сторонниками якобинского истолкования Французской революции и вытекавших из него и приводящих к коммунизму выводов были одновременно три венгерца: Танчич, Вашвари и Петёфи, все испытавшие на себе влияние трудов Кабе. Можно было бы предположить, что существовала целая группа кабетистов, но это исключается, так как известно, что три писателя познакомились друг с другом только незадолго до революции 1848 г. или во время нее. Что же касается

²⁷ Ernő Magos. Mutatványok A francia forradalom czimü néphóskölteményből (Отрывки из народной эпопеи, именуемой Французская революция).— «Eletképek», 20 août 1848.

малитарной социальной философии, то они были единственными ее приверженцами. Среди бумаг Вашвари хранится запись дискуссии в одной тайной организации, руководителем которой он был; он ознакомил ее членов с основами икарийского учения, но они были отвергнуты²⁸. Большинство молодых радикалов ограничивалось восхищением Французской революцией и якобинцами. Именно представители этой молодежи перевели на венгерский язык некоторые речи Робеспьера и Декларацию прав человека и гражданина²⁹. Именно этой молодежи выпало на долю сыграть историческую роль авангарда революции, последовать примеру революционной Франции, и каждый раз, когда в ходе революции наступал кризис, когда она наталкивалась на препятствия,— требовать даже созыва Конвента. Но в силу своего умонастроения эта молодежь не способна была сделать крайние выводы из революционной доктрины, те выводы, которые мог сделать только необабувизм. Танчич, Вашвари и Петёфи остались в одиночестве, и в этом причина их трагедии. Отодвинутые на второй план, даже гонимые, они неуклонно двигались навстречу своей злой судьбе. После поражения революции Танчичу суждено было провести в тюрьме почти столько же лет, как и Огюсту Бланки. И хотя история Венгрии не знает гильотины, смерть Вашвари и Петёфи была не менее ужасна, чем смерть их кумиров Робеспьера и Сен-Жюста. Побуждаемые нравственным долгом, оба они отправились на поля сражений и были зверски убиты в кровопролитном жестоком бою.

---

²⁸ См. рукописи Пала Вашвари в Национальной библиотеке имени Сеченьи в Будапеште, раздел «Венгрия», 1150, стр. 161.

²⁹ *Ernő Magos. Három beszéd Robespierretől (A háborúról, A forradalmi kormány elveiről, A belkormányzás elveiről)* (Три речи Робеспьера: О войне; О принципах революционного правления; О принципах внутреннего управления). Пешт, 1848; «Robespierre beszéde az alkotványról. Fordította és a magyar nép figyelmébe ajánlja Greguss Akos» («Речь Робеспьера о конституции. Переведена и предлагается вниманию венгерского народа Акосом Грегусом»). Сарваш, 1848; «Robespierre beszédéből a polgári jogok gyakorlásának bizonyos adómenyiségtől felfüggesztéséről» («Выдержка из речи Робеспьера о марке серебра») в *Lajos Szeberényi. Politikai szónoklat-tan* (Политическая риторика). Пешт, 1849, стр. 236—239. Перевод Декларации прав человека и гражданина был опубликован в газете «*Marczius Tizenötödike*» от 7 апреля 1848 г. Альбертом Палфи; в кратком введении, в частности, говорится: «Я знаю ее всю наизусть. Если бы это понадобилось, я смог бы повторить ее дословно даже во сне, ибо она — моя молитва и мое евангелие».

Тематически связанные материалы:

Лукачи Ш. Петефи, его революционные идеи и их французские источники

Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

Шпира Д. Четыре судьбы: к истории политической деятельности Сечени, Баттяни, Кошута и Шандора Петефи